

обычаи, имена, реалии. Подобные явления закономерно возникали в среде интеллигенции XVIII в., не удовлетворенной окружающим и занятой поисками нравственных начал. В этом отношении интересную параллель Новиковскому кружку можно найти в деятельности Ф. Гемстергюи, которого Виланд называл «Платоном нашего времени».¹¹ Литераторы стремились теперь использовать авторитет «древних» для утверждения не столько литературных правил, сколько нравственных. Древние философы, в особенности Сократ (его культ создается в новиковском кружке), являли собой достойные образцы для подражания, воплощавшие моральные достоинства, особенно ценившиеся в литературе нового направления. Обращение к античным авторам с воспитательной целью получило достаточно широкое распространение в произведениях русского сентиментализма. Характерно, что В. В. Измайлов, намечая программу своего журнала «Патриот», упоминает прежде всего «нравоучительные сочинения» Аристотеля, Цицерона, Сенеки, Плутарха.¹²

Дальнейшие исследования, очевидно, покажут, насколько разносторонним и вместе с тем специфическим было восприятие античности русскими сентименталистами. Не менее интересным представляется их отношение к культуре Средневековья. Высказывания о варварстве и грубости нравов тех времен — лишь одна сторона восприятия. Двойственность отношения к Средневековью проявилась у Карамзина в переписке Мелодора и Филагета. С точки зрения первого из них, эпоха, следовавшая за античностью, — это «варварство многих веков, варварство ума и нравов — эпоха мрачная — стена, покрытая черным флером для глаз чувствительного философа».¹³ Другой карамзинский персонаж возражает: «Ты указываешь мне на варварство средних веков, наступившее после греческого и римского просвещения; но самое сие так называемое варварство (в котором, однако ж, от времени до времени сверкали блестящие, зрелые идеи ума) не послужило ли в целом к дальнейшему распространению света наук?»¹⁴ Теория общественного и нравственного прогресса, которую Карамзин развивает и в других статьях, позволяет ему отказать от исключительно негативной оценки Средневековья. Приближаясь к историзму в постижении прошлого, Карамзин начинает все больше ценить своеобразие культуры каждой эпохи каждого народа.¹⁵ При этом важно, что Средневековье, как и любая другая эпоха, представляется ступенью в нравственном развитии человечества. Оказывается, что и суровые времена рыцар-

¹¹ См.: Кожеевников В. А. Философия чувства и веры в ее отношениях к литературе и рационализму XVIII века и к критической философии. М., 1897. Ч. 1. С. 47—56.

¹² [Измайлов В. В.] Введение // Патриот. 1804. Т. 1. С. 10.

¹³ Карамзин Н. М. Избр. соч. М.; Л., 1964. Т. 2. С. 249—250.

¹⁴ Там же. С. 257.

¹⁵ См.: Проблемы историзма в русской литературе: Конец XVIII—начало XIX в. Л., 1981. С. 140—141. (XVIII век. Сб. 13).